

АРМЯНО-ХАЛКИДОНИТСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ: ПОЛКОВОДЦЫ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АГЕНТЫ КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО¹

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

Работа посвящена исследованию социального статуса и административной деятельности армян-халкидонитов на службе империи в IX–X вв. по трактату Константина Багрянородного «Об управлении империей». «Закавказское досье» трактата отличается точностью и скрупулезностью, поскольку было предоставлено непосредственными участниками событий — армянами-халкидонитами на службе Византии. Имперская ортодоксия гарантировала Константинополю лояльность его армянских дипломатов, военачальников и переводчиков, а их принадлежность к армянскому этносу, языку и культуре давала им возможность ориентироваться в армянском мире с легкостью, недоступной их греческим коллегам. Армянская аристократия, органично вошедшая в состав византийского господствующего класса (из среды которой вышли информаторы Константина), является синтезным феноменом — результатом взаимодействия и взаимовлияния двух миров и двух культур. Именно эти люди сформировали идеологическую составляющую генезиса синтезной контактной зоны.

В последние десятилетия византиноведы все чаще «перечитывают», т. е. заново переводят, комментируют и исследуют, трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей»², в котором, возможно, содержится решение загадки тысячелетнего существования Византийской империи в условиях перманентной войны на западных и восточных границах³.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 10-01-00286а.

² *Constantine Porphyrogenitus. De administrando Imperio / Greek text ed. by G. Morakcsik; engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967 (далее — DAI; главы и строки приводятся по этому изданию); Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989 (далее — Константин).*

³ На XIV Конгрессе византиноведов в Бухаресте, рассмотревшем на специальной секции широкий спектр проблем византийских восточных границ в VII–XII вв., впервые была признана необходимость структурно-функционального подхода к исследованию лимитрофной зоны на востоке Византии (XIV Congrès International des études byzantines. Bucarest, 1971. Rapports II. P. 7–101). По мнению отечественных исследователей, приграничные государственные образования не были явлением географическим (т. е. вызванным к жизни природными условиями византийского Востока, например наличием здесь гористых местностей, ограничивающих коммуникации и благоприятствующих сепаратизму), так же как и не были связаны

Согласно основной политической доктрине ромеев, соседние страны (как на Востоке, так и на Западе) должны были находиться под суверенитетом Византийской империи в пределах влияния древнего (Первого) Рима, при этом святым долгом византийских императоров являлось возвращение утраченных владений (44/115). Однако положение Византии как «осажденной крепости» на протяжении VII–XII вв. предопределило осуществление этого долга не столько военными, сколько дипломатическими методами⁴.

Константин VII, в сущности, продолжал и внутренний, и, в особенности, внешний политический курс Романа I (отношения с арабами, странами Запада, сербами и хорватами, печенегами, росами, а также с княжествами и царствами Кавказа). В главах, посвященных сербам, хорватам и Кавказскому региону, политика Романа Лакапина признается успешной, главным образом потому, что он следовал ромейским обычаям и не отменял решений прежде царствовавших василевсов (в частности, Льва VI). Позиция предпочтения мирных дипломатических мероприятий военным прослеживается на протяжении всего трактата (Константин одобряет решение крещеных хорватов никогда не вести военных действий против своих соседей (31/31–42), осуждает нарушение мира с болгарами Юстинианом II (22/25–26) и т. п., очевидно, и сам Константин Багрянородный в отношениях с окружающими странами отдает предпочтение дипломатии, а не войне.

В этом отношении «Закавказское досье» Константина особенно наглядно. В историографии этот источник чаще всего выступает как сумма фактов, используемых в ходе разножанровых исследований по армянской и византийской истории. А между тем «Кавказское досье» является единым и особенным разделом трактата «Об управлении империей».

43–46-я главы явно выделяются в ДАИ своей актуальностью — это современный Константину политико-дипломатический справочник. Другие разделы трактата, в той или иной мере касающиеся административного устройства империи (гл. 14–42), по большей части не содержат современного Константину

с этнической ситуацией, поскольку «византийская восточная граница постепенно перемещалась — от степей Приевфратья и Сирии через горы Кавказа и Тавра к плоскогорьям Галатии, но тем не менее неизменной была социально-политическая структура приграничных областей, оставшихся бахромой племенных княжеств подле централизованной и многоэтнической империи» (*Бартикян Р. М., Каждан А. П., Удальцова З. В.* Социальная структура, восточных границ Византийской империи // *Actes du XIVe Congrès International des études byzantines.* Bucarest, 1975. P. 231–235). Проблематике «Византия. Идентичность, Образ, Влияние» был посвящен XIX Международный конгресс византинистов в Копенгагене (*Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies.* Copenhagen, 1996. Major Papers, Abstracts) и ряд докладов на XXI Международном конгрессе в Лондоне (2006) (*Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies.* London, 2006. V. 1. Plenary Papers. P. 3–80; V. 3. Abstracts. P. 3–71). Тема «Византия и мир вокруг нее» постоянно обсуждается на международных симпозиумах и конференциях. Появляются сборники статей, такие как: *Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г. Г. Литаврин.* СПб., 1999; *Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средневековья: Сб. статей / Под ред. Р. М. Шукурова.* М., 1999.

⁴ *Литаврин Г. Г.* Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // *Византия между Западом и Востоком...* С. 11–47.

материала. Предположение авторов лондонского комментария, что материал для большинства глав готовился одновременно со сбором материала для труда «О фемах» (т. е. тогда, когда замысел Константина VII относительно трактата «Об управлении империей» не созрел окончательно), по-видимому, вполне возможно, так же как и утверждение, что материалы этих глав фиксируют положение в империи на время до середины IX в.⁵ Напротив, главы 43–46 — это рассказ о тех политико-дипломатических и военных мероприятиях, которые начались при Льве VI (886–912), продолжались при Романе I Лакапине (920–944) и Константине Багрянородном (945–959) и должны были послужить руководством к действию для его сына Романа⁶.

«Кавказское досье» содержит не только многочисленные и разнообразные, но в большинстве случаев и уникальные сведения о Закавказье, позволяющие судить как о статусе политических образований Кавказского региона в IX–X вв., так и об их отношениях с Византийской империей. Широкий географический ареал «Закавказского досье» (от Тарона на западе до Ширака на востоке и от владений ивирских Багратидов и Басена на севере до арабских эмиратов вокруг озера Ван на юге) и глубокий временной охват⁷, а также системное изложение событий и их четкое датирование делают эту часть трактата важным и надежным историческим источником. В основе раздела лежат прежде всего документы: архивные сведения, донесения агентов из ведомства логофета дрома и специальных дипломатических агентов, а также обработанные данные устной и письменной традиций (например, легенда о происхождении Багратидов).

Первый этап обработки некоторой части материала происходил, возможно, при Льве VI, часть черновиков была написана или отредактирована в первую декаду X в., а окончательно «Закавказское досье», по всей вероятности, оформлено на втором редакторском этапе, в который активно включился Константин Багрянородный⁸.

⁵ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. 2 / Comment. by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, G. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. L., 1962. P. 2–5 (далее — DAI 2).*

⁶ «Ибо достойно, дражайший сын, чтобы ты не избегал знания об этом [случившемся в какие-либо времена между ромеями и различными иноплеменными народами], дабы в подобных случаях, когда произойдет то же самое, у тебя благодаря предварительной осведомленности нашлось удобное противодействие» (Константин. С. 211). В византийскую философию истории входит постулат о циклическом времени, которое византийцы трактовали как повтор факторов внешнего вынуждения и реакции на них, они полагали, что существует возможность предвидеть будущее на основе знания прошлого, т. е. возможность прогнозирования событий. Об историческом, этическом, циклическом времени византийцев (унаследованном от античности) в рамках представлений о христианском телеологическом времени см.: *Хвостова К. В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009. С. 161.*

⁷ От 860-х гг. до 940-х гг. в 43-й главе и от царствования Ираклия (VII в.) до капитуляции Феодосиополя (вторая половина X в.) в «ивирских» главах.

⁸ *Howard-Jonston J. The De Administrando Imperio: A Re-examination of the Text and a Re-evaluation of Its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes de Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman, P. Lethielleux. Paris, 2000. P. 306. Следует отметить, что критицизм и даже гиперкритицизм современных исследователей в отношении трактатов, носящих имя Константина Багрянородного, почти не коснулся кавказских глав DAI.*

Государственно-политические отношения Византии и Армении были прерваны арабским нашествием почти на два столетия (VIII–IX вв.), однако культурные и этнические связи не исчезали, эмиграция армян в империю (почти постоянная с конца IV в.) значительно усилилась в эпоху арабского владычества. Армянская знать заняла важное место в составе византийского господствующего класса, армянские аристократы вступали в брачные союзы со знатными родами империи и обладали титулами и земельными владениями. Их административные функции были преимущественно военными в Италии, на Балканах, но в особенности — на Востоке. Армянские торговые фактории и общины появляются по всей территории империи, армяне служат в армии и живут в крупных городах. Служба империи, особенно придворная, предопределяла принятие политической ортодоксии, т. е. признание империи и ортодоксальной (православной) Церкви.

В конце IX в. арабы были значительно потеснены на малоазийских территориях, и Багратиды Ширака возрождают армянскую государственность и даже (пусть и ненадолго) единое Армянское царство. Государственные образования, которые по мере упразднения арабского владычества появляются на территории Армении, были средневековыми монархиями с царем или князем во главе. В середине X в. Византия строила свои отношения с каждым армянским государственным образованием в отдельности, но признавала при этом главенство царя Ширака «над всеми странами Востока» (44/23).

Государства, вовлеченные в орбиту византийской внешней политики, составляли определенное сообщество (*βασιλεία, ὀικουμένη, πολίτευμα* — Commonwealth Д. Оболенского⁹). Армянские царства и княжества были введены в это сообщество. Система «духовных» родственных связей («братья», «сыновья» и «друзья» византийского императора) и система титулов, жалуемых императором его иноземным контрагентам (эти титулы, с византийской точки зрения, не только представляли его носителя в международных отношениях, но и были призваны подтвердить его власть по отношению к его собственным подданным), были использованы при присоединении Армении, начатом в X в. «Закавказское досье», по меткому замечанию Дж. Ховарда-Джонстона, отражает технические детали византийского *client management*¹⁰. Почетные титулы и дары были эффективными средствами византийской дипломатии («чтобы пробудить желание подчиниться ромеям» — 43/86–87).

Досье отражает два приоритетных и взаимосвязанных направления восточной политики Византии при трех императорах: Льве VI, Романе I и Константине VII — усилия империи на заключительных этапах арабо-византийского противостояния (разгром или подчинение арабских эмиратов в Армении) и постепенное присоединение к империи владений Багратидов, союзников в арабо-византийских кампаниях.

Доместик схол Катакалон в начале X в. подошел к Феодосиополю и разорил его окрестности. В 927 г. по дороге к Двину Иоанн Куркуас разорил Басен, а позже эту область опустошил его брат Феофил, назначенный стратигом

⁹ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971. P. 104–105; 114–115 sq.*

¹⁰ *Howard-Jonston J. Op. cit. P. 318.*

Халдии. В 928 и 931 гг. Иоанн Куркуас вел военные действия против кайсиков Хлата, Балеша, Беркри и, возможно, вновь шел через Басен. Около 934–935 гг. или вскоре после этого византийцы заняли Феодосиополь. Неподалеку от Феодосиополя ромеи выстроили город Хавчич к северу от Бингель-Дага, у истоков Аракса¹¹. Когда в 939 г. Сейф ад-Даула приблизился к Феодосиополю, византийцы разрушили Хавчич. В царствование Константина VII, после 944 г., отряды протоспафария и стратига Иоанна Арравонита и патрикия Феофила совершали набеги на Авник (45/43–63). Иоанн Куркуас не взял Феодосиополь, но занял крепость Мастат и передал его протоспафарию Петроне Воиле (45/143–146). А в 949 г. Феодосиополь стал центром военно-административного округа империи. Стратигом Феодосиополя и современником составления этого раздела был брат Иоанна Куркуаса Феофил¹².

Полное присоединение Тарона к империи произошло позже составления трактата, попытки Византии проникнуть в Тайк и Кларджию при Романе I и Константине VII не увенчались успехом, несмотря на пожалование титулов ивириским династам, политические интриги и военное присутствие империи в регионе. Однако следует ли считать случайностью тот факт, что первыми областями, вошедшими в состав империи, были Тарон (966/67) и владения Давида Куропалата Тайкского (1001)?

Дж. Ховард-Джонстон полагает, что трактат «Об управлении империей», оставляющий впечатление законченного произведения, является конгломератом частей, составленным в «определенной спешке»¹³. Композиция трактата в окончательном виде полностью принадлежит Константину¹⁴, но он, по мнению исследователя, не отвечает за содержание историко-дипломатического материала, который попал в его руки в оформленном виде, Константин берет этот материал без изменений в структуре или содержании (иногда расширяя его за счет современных ему дипломатических материалов)¹⁵.

Исследователи всегда подчеркивают, что справочные материалы, попавшие в руки Константина, не претерпевали фундаментальных изменений, и очевидно, что точность и скрупулезность в описании событий в Закавказье, их строгая датировка (не свойственная в общем труду Константина Багрянородного) объясняется тем, что черновики, предоставленные августейшему редактору (или редакторам), были составлены непосредственными участниками событий.

В Тарон прибывали византийские чиновники — посланцы императора, должен был явиться евнух Синут, но его оклеветал переводчик армянин Феодор, и Синут был послан в Ивирию, а в Тарон был направлен протоспафарий Констан-

¹¹ *Honigmann E.* Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1961. S. 79–80, 195.

¹² *Honigmann E.* Op. cit. S. 79; *Тер-Гевондян А. Н.* Арабские эмираты в Багратидской Армении. Ереван, 1965. С. 162–163 (на армянск. яз.); *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994. С. 30–31; *Hisard-Martin B.* Constantinople et les archontes du monde caucasien dans le Livre des Cérémonies // *Travaux et Mémoires Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine.* № 13. 2000. P. 364.

¹³ *Howard-Jonston J.* Op. cit. P. 306.

¹⁴ *Idem.* P. 309.

¹⁵ *Idem.* P. 321.

тин Липс (43/36—37, 41—59). Протоспафарий Кринит отвез в Константинополь жену и ребенка Торника, сына Апоганема, а затем вернулся в Тарон, чтобы принять «от имени империи хору Апоганема, т. е. долю патрикия Торника» (43/169—179). Все эти чиновники были армянами¹⁶, и здесь мы вплотную подходим к вопросу о возможных информаторах Константина. Немало армян-халкидонитов находилось на службе империи, они занимали иногда высокие посты и легко находили общий язык с таронскими Багратидами. Имперская ортодоксия гарантировала Константинополю лояльность его армянских дипломатов, военачальников и переводчиков, а их принадлежность к армянскому этносу, языку и культуре давала им возможность ориентироваться в армянском мире с легкостью, недоступной их греческим коллегам.

Одновременно с проникновением в Тарон Византия настойчиво пыталась утвердиться в тех областях Армении, которые продолжали оставаться под властью арабских эмиров, и в пограничных армяно-грузинских княжествах Тайка и Кларджии, составлявших уделы Багратидов. Военные действия против арабов вел Иоанн Куркуас, армянин-халкидонит на службе Византийской империи, который почти два десятка лет занимал пост доместика Востока, а страгигом Феодосиополя стал его брат Феофил. Переговоры с Константином о Феодосиополе вел Чордванел, армянин-халкидонит, азат Тайкского куропалата из семьи тайкских Торникянов¹⁷.

Армянские информаторы «Закавказского досье» представляются наиболее вероятными не только потому, что армяне играли ведущую роль в военных и дипломатических акциях империи на востоке в этот период, но и потому, что в тексте мы встречаем убедительные лексические аргументы в пользу этого предположения. Чордванел назван азатом по нормам армянской средневековой стратификации, географическая номенклатура передана в формах, либо близких к армянским в переогласовке на греческий (Περχρί, Ἀρζέξ, Τιβί, Τζερισατζού — 44/2, 3, 4, 11, 15), либо совершенно совпадающих с армянскими, — как именование Аракса в форме Ἐρόξ (Еракс, Ерахс — 45/130, 158). А главное, в ткань повествования проникает живая традиция армянской речи с ее уменьшительными формами личных имен: Крикорикий (43/ 28, 46, 64), Асоतिकий (43/112), Апасакый (44/9—10). Авторы «Закавказского досье», с одной стороны, хорошо знали греческую ономастику и точно передавали имена собственные (Γρηγόριος — 43/35;

¹⁶ Adontz N. *Études armeno-byzantines*. Lisbonne, 1965. P. 221—230.

¹⁷ Идентификация личности Чордванела дискутируется. Посланцем ивирского куропалата мог быть тот Зурванел, который упоминается в помете на рукописи (Paris, 2009) как «Зурванел, отец синкелла Торника» (DAI 2. P. 175). Это Чордванел, сыновьями которого были Иоанн Торник и его брат Иоанн Варазваче. Иоанн Торник — вассал Давида Куропалата (961—1000) — постригся в монахи на Афоне, был одним из основателей Ивирона и выполнял поручения Василия II. Исследователи указывают на родственные связи между тайкскими Торникянами и Мамиконянами-Торникянами Тарона и Сасуна, которые (в особенности это касается таронских Торникянов) исповедовали имперскую ортодоксию и у которых имена Торник и Чордванел были родовыми, так же как и у тайкских (Даниэлян Э. Л. Мамиконяны — Торникяны Тарона и Сасуна (XI—XII века) // Историко-филологический журнал. 1987. № 3. С. 136—153; см. там же генеалогическую таблицу на с. 145).

Κωνσταντῖνος — 43/43, 55, 59, 61), а с другой — употребляли армянскую огласовку христианских имен: Григорий — Κρηγορίκος (43/28, 46).

Для авторов «Закавказского досье» привычна почти такая же литеризация звуков армянской речи, как и для армянина-халкидонита, написавшего «Повествование о делах армянских» на своеобразном арменизированном греческом языке¹⁸. Информаторы Константина Багрянородного, православные армяне на службе Византии, владели греческим языком, издавна принятом среди знати и клира халкидонитской общины Армении¹⁹.

Первым посланцем империи в Тароне был «известный Синут хартулярий дрома» (43/36–37). Синут — не личное имя, а скорее прозвище, указывающее на происхождение его носителя, т. е. он, возможно, принадлежал к поколению недавних эмигрантов, т. к. сохранил указание на место своего рождения — «из Сюника»²⁰. Синут был чиновником ведомства дрома, совмещавшего в себе министерство иностранных дел и управление разведки, и ко времени поручения от Льва VI достиг, очевидно, достаточно важного поста.

Феодор «переводчик из армян» — может быть, протоспафарий Феодор, сын Баграта, о котором в трактате «О церемониях» упомянуто как о лице, вербовавшем армян для критской экспедиции 911 г.²¹ Возможно, он идентичен василику Феодору, сопровождавшему царевича Ашота (сына Смбата) в Константинополь в 914 г.²²

Константин Липс был значительной персоной при дворе Льва VI, он построил монастырь (известный как Фенари) в Константинополе в честь прибытия в город Льва VI в июне 907 г. Липс был специальным представителем империи, установившим непосредственные контакты с правящим домом Тарона в конце 90-х годов IX в. (сопровождал в Константинополь сына Григория, его брата и самого Григория, собирався выдать свою дочь за брата Григория). В то время Константин носил титул протоспафария и харпезикия. Позже он стал патриkiem и великим этериархом, принимал участие в заговоре Константина Дуки в 913 г., попал в немилость и погиб в битве при Ахелое в августе 917 г.²³

¹⁸ Арутюнова-Фиданян В. А. «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004. С. 19–26.

¹⁹ Там же. С. 36.

²⁰ Adontz N. Op. cit. P. 221.

²¹ Const. Porph. De cerim. II. P. 657.21.

²² DAI 2. P. 162.

²³ Ряд исследователей полагает, что Константин, павший в битве при Ахелое в 917 г., никак не мог быть тем Константином, о котором говорится в рассказе «О стране Тарон». С. Рэнсимен усматривает ошибку в имени «Константин», полагая, что речь идет о сыне Липса Варде (DAI 2. P. 162). Н. Адонц предполагает существование в первой половине X в. двух Константинов Липсов (один — погибший при Ахелое, другой — domestik ипургии, анфипат патрикий и великий этериарх, отправленный с дипломатической миссией на Кавказ). Дж. Ховард-Джонстон не усматривает в этом пассаже никаких противоречий, считая, что упоминание о Константине Липсе свидетельствует только о том, что черновики для 43-й главы, по крайней мере для этой ее части, были написаны в первой декаде X в., до 913 г. (Howard-Jonston J. Op. cit. P. 326–327).

Куркуасы (Иоанн и Феофил) — знатный армянский род, а в IX—X вв. из Куркуасов вышел ряд византийских полководцев и провинциальных наместников, в родстве с ними состоял император Иоанн I Цимисхий (969—976)²⁴.

Криниты также принадлежали к армянской знати (из Крни) и занимали значительные посты в империи в качестве наместников провинций и военачальников²⁵.

Знание армянских реалий и идеологем и тщательное изложение необходимых империи сведений, т. е. компетентность и добросовестность армянских информаторов Константина, прежде всего и главным образом обусловлены традиционно тесными связями армян с Византией.

В начале «Закавказского досье» упоминается термин «переводчик» (ἐρμηνεύς — 43/170; ἐρμηνευτής — 43/42, 137)²⁶ в качестве титулования посланцев императора, прибывших в Тарон «с письмами, дарами» и государственными заданиями. Этот термин обладает огромным культурным шлейфом и является одним из наиболее значимых понятий в истории армяно-греческих отношений. После изобретения алфавита в начале V в. возникает армянская литература — это преимущественно переводы с сирийского (до 40-х гг. V в.) и греческого языков церковно-богословских сочинений. Появилась целая плеяда переводчиков — Месроп, Маштоц, католикос Саак I и их ученики: Корюн, Езник Колбацци, Иосиф Вайоцдзореци, Левон, Иоанн Екелецаци и др. Армянская переводная литература в V—VII вв. включала классические переводы (V в.) и переводы грекофильской школы (с конца V до начала VIII в.). Переводы Библии, агиографических сочинений, трудов по литургике, герменевтике, патристике, апологетике направляли богословскую и литургическую жизнь Церкви и обеспечивали религиозное образование. Позднее появляются переводы догматических, риторических и философских трудов. Армянская Церковь в V в. причислила первых переводчиков к лику святых и учредила T'argmančač ton — «Праздник переводчиков». Гробница Месропа Маштоца, изобретателя армянского алфавита, в селе Ошакан известна как «могила Переводчика» и служит местом паломничества.

Переводческая деятельность грекофильской школы была направлена на сознательную трансплантацию греческой культуры. За 80—90 лет, начиная с перевода «Грамматики» Дионисия Фракийского и кончая появлением трудов Давида Непобедимого, была создана специальная философская терминология, и армянскому читателю были представлены не только сложнейшие произведения античной философии (Аристотель, Платон, Филон, Порфирий и др.), но и оригинальные философские трактаты и комментаторские труды светского, научного содержания. Древнеармянские переводы «Категорий» и «Об истолковании» Аристотеля, «Введения» Порфирия, пяти произведений Платона («Тимей», «За-

²⁴ *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975. § 4. С. 13.

²⁵ *Adontz N.* Op. cit. P. 229; *Каждан А. П.* Указ соч. § 2. С. 11.

²⁶ *Ερμηνεύς* — ‘истолкователь, переводчик’ от *ἐρμηνεύω*: 1) разъяснять, объяснять; 2) толковать, комментировать; 3) переводить; 4) сообщать, уведомлять (см.: Древнегреческий словарь. М., 1958. С. 664—665), — вполне совпадает по смыслу с древнеармянским *t'argmanič* — переводчик, истолкователь (см.: Армяно-русский словарь / Сост. А. Худобашев. М., 1838. С. 427).

коны», «Евтифрон», «Минос», «Апология Сократа») и четырнадцать трактатов Филона Александрийского принадлежат к числу древнейших и чрезвычайно точных переводов мировой философской литературы²⁷.

На VII в. приходится заключительный (четвертый, по классификации С. С. Аревшатяна) и весьма плодотворный этап переводческой деятельности грекофильской школы (переводы Платона, Зенона, Гермеса Трисмегиста и многих др.). Н. Я. Марр отмечает, что «в Армении в VII–VIII веках образованное общество было увлечено философией»²⁸. Великий армянский философ Давид Непобедимый, неоплатоник александрийской школы, писал и читал лекции на греческом языке²⁹.

Первые переводчики в то же время являлись и основоположниками армянской оригинальной литературы, главным образом богословско-философской и историографической³⁰.

Грекофилы, получившие прекрасное эллинистическое образование, в совершенстве владевшие армянским и греческим языками, переводили памятники античной науки, философии и литературы, разрабатывая одновременно собственную научную и философскую терминологию³¹. Они успешно участвовали в богословских и философских диспутах Христианского Востока. В Армении появилась целая плеяда замечательных историографов, писателей, ученых, зодчих и живописцев. Великолепный феномен «эллинофильской школы» свидетельствует о зрелом синтезе культурных форм³².

Православные армяне «Закавказского досье», владевшие греческим языком, издавна принятом среди знати и клира халкидонитской общины Армении, органично вошли в состав византийской аристократии, некоторые из них были одинаково близки и к императорскому дому Византии, и к княжеским фамилиям Армении. Титулованные дипломатические агенты, представители армяно-халкидонитской аристократии, которые именуется в ДАИ «переводчиками из армян», осуществляли *translatio* в самом широком смысле этого слова, как «перевод» — «перенос» культур, — это точная метафора деятельности армяно-халкидонитов в Армении и Византии.

Два надежных источника — «Закавказское досье» трактата византийского императора Константина VII Багрянородного и «История Армении» армянского католикаса Иоанна Драсханакертци — проливают свет на зарождение главных составляющих: политической, социальной, административной и, прежде всего,

²⁷ *Аревшатян С. С.* Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973. С. 141–227.

²⁸ *Марр Н. Я.* Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI–XII века // *Марр Н. Я.* Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995. С. 335. См. также: Дионисий Фракийский и армянские толкователи / Издал и исследовал Н. Адонц. Пг., 1915; а также рец. на этот труд Н. Я. Марра в книге «Кавказский культурный мир и Армения» (с. 309–323).

²⁹ *Чалоян В. К.* Развитие философской мысли в Армении (Древний и средневековый период). М., 1974. С. 57–60.

³⁰ *Thomson R. W.* The Armenian literary Tradition // East of Byzantium. DOP Symposium. Washington, 1982. P. 136–150.

³¹ *Мирумян К.* Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ереван, 1994. С. 58–60.

³² *Арутюнова-Фиданян В. А.* «Повествование о делах армянских»... С. 99–101.

идеологической армяно-византийской контактной зоны. Трактат Константина Багрянородного и труд Иоанна Драсханакертци написаны не только до воссоздания общего армяно-византийского пространства, но и до распада единого Армянского царства. Константин Багрянородный опирался на сведения, полученные его придворными, дипломатическими агентами, военными командирами, разведчиками из православных армян. Из той же среды, очевидно, получал сведения и армянский католикос³³. Возникновение контактных зон обусловлено прежде всего длительным сосуществованием стран и народов в едином пространстве при подвижности политических границ и прозрачности культурных. Ментальное освоение соседнего мира, несомненно, облегчает дипломатическое и политическое его присвоение.

Армянская аристократия, органично вошедшая в состав византийского господствующего класса (из среды которой вышли информаторы Константина), является синтезным феноменом — результатом взаимодействия и взаимовлияния двух миров и двух культур. Именно эти люди сформировали идеологическую составляющую генезиса синтезной контактной зоны.

Иными словами, можно предположить завоевание Армении на идеологическом пространстве задолго до ее реального присоединения к империи. С конца IX в. возобновляются межгосударственные и межконфессиональные контакты, заключаются военные союзы и вассальные договоры и начинается создание контактной зоны на пересечении ментального и реального пространств. Креаторы идеологической составляющей контактной зоны заложили основы ее реального воссоздания в X–XI вв.

Ключевые слова: взаимодействие Византийской и армянской цивилизаций, Константин Багрянородный, политическая идеология, полководцы, дипломатические агенты.

CHALCEDONIAN ARMENIAN ARISTOCRACY IN THE SERVICE OF EMPIRE: MILITARY LEADERS AND DIPLOMATIC AGENTS OF CONSTANTINE VII PORPHYROGENNETOS

V. A. ARUTYUNOVA-FIDANYAN

The paper examines the social status and administrative activities of Chalcedonian Armenians in the service of the empire in IX–X centuries according to the treatise of Constantine Porphyrogenetos “On the Governance of the Empire”. The information on Trans-Caucasian matters in the treatise is characterised by accuracy and precision

³³ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона. С. 103–104.

because it was provided by immediate participants of events — Chalcedonian Armenians in the service of the Byzantine Empire. The imperial orthodoxy guaranteed Constantinople the loyalty of its Armenian diplomats, military leaders and interpreters, while their belonging to the Armenian ethnicity, language and culture made it possible for them to orient themselves in the Armenian world with ease unattainable to their Greek colleagues. Armenian aristocracy, naturally incorporated into the Byzantine ruling class (the milieu from which Constantine's advisers originated), represents a phenomenon of synthesis, the result of interaction and mutual influence of the two worlds and the two cultures. These particular people created the ideological component in the formation of the integrated contact zone.

Keywords: interaction of Byzantine and Armenian civilisations, Constantine Porphyrogenetos, political ideology, military leaders, diplomatic agents.